

**ПЛОТИНА ЖИЗНИ
ИЛИ ПЛОТИНА ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ**

**Часть первая. «ПРОЛОГ»
или Первая Пятилетка (1988–1992 гг.)**

**Николай Васильевич Аладин
Зоологический институт РАН, г. Санкт-Петербург**

Аральское море, плотина, экспедиция «Арал-88»

В публикации приводится информация о проблемах, связанных с усыханием Аральского моря и строительством плотины в проливе Берга

**THE DAM OR WEIR LIVES LONG INTO THE LIFE
PART ONE.
Prologue or first five years (1988-1992)**

**Nikolay Aladin
Zoological Institute of RAS, Saint-Petersburg**

The Aral Sea, the dam, the expedition "Aral-88"

in the publication provides information on problems relating to the Aral Sea and the construction of the dam in Strait Berg

1988 год

В начале 1988 года в телевизионной передаче "Сельский час" по Центральному Телевидению СССР выступил московский писатель Юрий Дмитриевич Черниченко. Он тогда впервые в истории перестроечного СССР без купюр рассказал массовому телезрителю о гибели Арала.

Мой старший друг и коллега проф. д-р. Лев Александрович Кузнецов и я вместе после передачи тогда написали ему письмо. В этом письме на Центральное ТВ мы оба приводили наши научные данные о катастрофических изменениях, как в самом Арале, так и на его берегах. В разделе письма, которое было написано мной, я, впервые общаясь с непрофессионалом, рассказал о возможности попытаться спасти при помощи плотины в проливе Берга десятую часть Арала.

Юрий Дмитриевич быстро ответил нам и в своём ответном письме рассказал, что его коллеги московские писатели готовят всесоюзную народную экспедицию на это гибнущее море-озеро, и что он сообщит этим писателям наши имена и адреса.

Когда Сергей Павлович Залыгин и Григорий Иванович Резниченко первый раз позвали Льва Александровича и меня поработать научными консультантами в научно-

публицистической экспедиции "Арал-88", то я сразу на подготовительных мероприятиях в Москве в июне 1988 года сказал московским писателям, что Малый Арал отделяется от Большого Арала, и что надо срочно ставить плотину в проливе Берга, иначе русло реки Сырдарья повернёт в Большой Арал, и Малый Арал высохнет полностью.

После встречи с двумя писателями и руководителями предстоящей экспедиции "Арал-88" в московской Главной редакции журнала "Новый мир" я поехал в другой район Москвы в Президиум Академии Наук СССР. Там я встретился с Председателем комиссии АН СССР по работе с молодёжью Юрием Петровичем Петровым и подал заявку на создание Лаборатории солоноватоводной гидробиологии для изучения в первую очередь Арала. В этой моей чисто научной заявке также говорилось, что срочно необходимо строить плотину в проливе Берга.

После командировки в Москву в начале июля 1988 г. я традиционно поехал на Арал в экспедицию, где и работал вместе с моим другом Зауалханом Кенжегалиевичем Ермахановым и с Николаем Игоревичем Андреевым из Аральского отделения КазНИРХа. В этот очередной совместный полевой выезд мы на моторной лодке КазНИРХа прошли весь Малый Арал и своими глазами увидели, и нашими приборами задокументировали, что в проливе Берга осталась только узкая протока, по которой вода с севера из Малого Арала течёт на юг в Большой Арал.

После командировки в Казахстан я полетел в США делать доклад на Международном Конгрессе об осморегуляции ракообразных и о том, как можно попробовать спасти Аральское море.

Работая в Университете Штата Луизиана в городе Батон-Руж, я в местной библиотеке перечитал всё, что было написано в США об Арале и нашёл анонс очень свежей статьи на аральскую тему в научном журнале "Science" за авторством проф. д-ра Филипа Миклина (Micklin, P. P. 1988. Dessication of the Aral Sea: A water management disaster in the Soviet Union. *Science* 241: 1170-76.)

Работая в США, я также познакомился с проф. д-ром Томасом Дицем, которого заинтересовали не только мои данные об осморегуляции ракообразных, но и сама идея строить плотину в проливе Берга.

Прямо из США я полетел в Казахстан, где в начале августа в городе Аральске я встретился с частью участников экспедиции "Арал-88". Из Аральска мы на машинах поехали в Яныкүрган, где все участники собрались вместе и через день перебрались в Кызыл-Орду на важную встречу, на которой блистал специально приехавший в древнюю столицу Казахстана Чингиз Терикулович Айтматов. После всех заседаний я смог подробно поговорить об идее плотины с великим киргизским писателем, который сразу поддержал идею плотины и тут же меня представил казахскому писателю Мухтару Шаханову, которого попросил помогать мне в деле строительства плотины в проливе Берга.

Из Кызыл-Орды мы через пустыню по бездорожью поехали в Каракалпакию, где постоянно обсуждали разделение Арала на два сестринских водоёма – Малый и Большой Арал.

Когда наша экспедиция из Муйнака и дельты Амударьи добралась до столицы Каракалпакии Нукуса, то наша самая главная газета "Правда" опубликовала постановление ЦК КПСС № 1110 об Арале. Участники нашей экспедиции подробно обсуждали это постановление с первым секретарём Каракалпакского Обкома Партии Какимбеком Салыковичем Салыковым, и он тоже, как этнический казах, сразу понял угрозу высыхания Малого Арала и мне с глазу на глаз прямо сказал, что будет мне помогать строить дамбу в проливе Берга.

Учитывая важность факта разделения Арала на два водоёма – Малый и Большой Арал, Григорий Иванович Резниченко организовал специальный вылет участников нашей

экспедиции на нескольких самолётах АН-2 над мелководной протокой, в которую превратился пролив Берга, и было сделано много фотоснимков, и даже была сделана киносъёмка этого печального события. Прилетев на остров Барсакельмес, все, кроме меня, были потрясены, увидев, во что превратится пролив, ранее превышавший в самом узком месте 12 километров. Известный писатель Василий Илларионович Селюнин уже во время посадки на острове сразу сказал мне, что даже ему, неспециалисту, ясно как день, что без плотины у Малого Арала нет будущего, и он тоже мне сказал, что будет помогать строить эту, по его выражению, ПЛОТИНУ ЖИЗНИ. Он мне сказал – "Ленинградцы во время войны построили ДОРОГУ ЖИЗНИ на Ладоге, пусть они теперь в мирное время попробуют построить ПЛОТИНУ ЖИЗНИ на Арале!!!"

После успешного завершения научно-публицистической экспедиции "Арал-88" было в Московском доме Союза писателей проведено итоговое заседание, и в готовящихся к публикации материалах экспедиции говорилось, что Арал разделился на две неравные части, и что для спасения Малого Арала надо срочно строить плотину в проливе Берга.

В канун нового 1989 года я из Ленинграда написал письмо в США проф. д-ру Филипу Миклину, в котором рассказал, что прочитал анонс его статьи в научном журнале "Science", и попросил его прислать мне оттиск этой статьи. Я также написал коллеге из США, что у меня есть ряд идей как спасти Арал и стал ждать его ответа. Проф. д-р Филип Миклин ответил мне присылкой оттиска статьи по почте и письма по факсу, в котором рассказал, что у него тоже есть аналогичная идея большой плотины в проливе Берга со сбросным узлом на месте бывшего пролива Аузы-Кок-Арал, что на западной оконечности острова Кок-Арал. Ещё позднее проф. д-р Филип Миклин даже предложил подвести к Аралу и часть стока реки Эмбы по специально прорытому каналу.

1989 год

В конце января 1989 года я узнал, что глава ЮНЕП египтянин Мустафа Толба собирается встретиться с Михаилом Сергеевичем Горбачёвым и предложить ему провести специальный диагностический проект по Аралу под флагом ЮНЕП.

Я сразу понял, что это хороший шанс поставить вопрос о строительстве плотины в проливе Берга и обратился в Центр Международных проектов в Москве, который сопровождал эту инициативу г-на М. Толба.

На мой запрос в ЦМП мне ответил заместитель директора этого Центра Николай Николаевич Литвинов, и он пригласил меня войти в состав экспертов ЮНЕП этого проекта от нашей страны (тогда ещё СССР). Начало работы в этом проекте было очень бурным и даже сумбурным, но порядок в проекте быстро навёл тогдашний Министр экологии и природных ресурсов Николай Николаевич Воронцов. Он часто приходил в гости к нашему директору Института (академику Оресту Александровичу Скарлато), и именно в один из таких визитов я рассказал нашему Министру об идее построить плотину в проливе Берга. Эта идея Н.Н. Воронцову понравилась, так как давала быстрые и заметные позитивные результаты, и он просил меня регулярно докладывать ему через моего директора Института о продвижении этой идеи.

В феврале 1989 г. ко мне пришло письмо из Австралии, в котором проф. д-р Уильям Уильямс предлагал мне стать содиректором Международного Консорциума по солёным озёрам, и в случае моего согласия поручал мне курировать все солёные озера Европы, Средней Азии и Казахстана. Я принял это приглашение войти в Консорциум и предложил австралийцу съездить со мной на Арал. Уильям сказал, что уже в начале мая 1989 года готов поехать на Арал. Когда мы прибыли на Арал, то полетели на Барсакельмес на самолёте АН-2, и я традиционно просил пилотов пролететь над обмелевшим проливом Берга, чтобы показать с борта самолета проф. У. Уильямсу место возможного

строительства плотины. Австралийский профессор, увидев ситуацию с воздуха, страстно загорелся идеей плотины, и, как и все мои коллеги и партнёры, он пообещал свою помощь в реализации её строительства.

Возвращались мы с Уильямом из экспедиции на Арал в Ленинград через Москву, где я и представил проф. У. Уильямса руководству ЦМП.

Советские руководители проекта предложили Уильяму тоже войти в проект в качестве эксперта ЮНЕП этого проекта от Австралии.

Летом-осенью ЦМП организовал первый выезд Экспертов ЮНЕП на Арал. В этом выезде я познакомился со многими замечательными учеными из разных стран, которые, как и я с Уильямом, были назначены международными Экспертами ЮНЕП.

Из всей плеяды замечательных учёных упомяну здесь только двух учёных: из Японии проф. д-ра Татуо Кира и из США проф. д-ра Гилберта Уайта.

Эти два великих исследователя очень горячо поддерживали идею плотины, хотя тогда им обоим казалось, что плотина в проливе Берга будет лишь временной мерой, так как они считали, что СССР сможет быстро реализовать программу сокращения безвозвратных потерь воды на орошение в Приаралье. Оба они очень верили в силу СССР и в нашу способность спасти Арал целиком.

Осенью в Ташкенте наша команда Экспертов ЮНЕП под флагом ЦМП встретила с командой журналистов и фотографов из американского журнала НЭШИНЕЛ ДЖИОГРЭФИК. В этой команде всемирно известного журнала научным консультантом был приглашён проф. д-р Филип Миклин. Как я писал выше, этот ученый на моё письмо, посланное в конце 1988 года, сразу ответил по факсу, и мы начали переписываться. Так в столице Узбекистана я после года переписки и обмена факсами и письмами впервые встретил моего американского коллегу и смог впервые пожать ему руку.

Я рассказал сотрудникам американского журнала об идее строительства плотины, но они, как и профессора Татуо Кира и Гилберт Уайт, посчитали её только временной мерой и писать об идее её строительства в своём журнале не стали и заинтересовались только результатами моих исследований ракообразных на Арале. Поэтому в феврале следующего года в их статье они цитируют меня только как исследователя животного мира Арала и совсем не написали об идее строительства плотины.

В конце сентября 1989 года была ещё одна важная встреча в тогда ещё Чехословакии. На Международном симпозиуме в этой стране я познакомился с проф. д-ром Моше Гофеном из Израиля. Этот исследователь, заслушав мой доклад о ракообразных, выступил в дискуссии и поддержал идею строительства плотины в проливе Берга.

Вернувшись в Ленинград, я узнал от моего директора Института, что поданная мною заявка на создание Лаборатории солоноватоводной гидробиологии для изучения в первую очередь Арала победила в открытом конкурсе 16 ноября и, что мне срочно надо набирать сотрудников.

Конец года прошёл в кадровых и хозяйственных приятных хлопотах. Уже к началу декабря все сотрудники были приняты в штат нашего Зоологического института АН СССР и под новый год мы начали планировать полевой сезон наступающего 1990 года.

1990 год

Начало 1990 года прошло в хлопотах по обустройству Лаборатории.

Наш молодой научный коллектив был одним из первых, кто стал использовать компьютеры в нашей повседневной работе, как в научной, так и в технической. До нас в нашем Институте персоналки были экзотикой.

О нашей идее строительства плотины в проливе Берга в начале весны нам неожиданно напомнил наш немецкий коллега д-р. Дитмар Кайзер. Он попросил приехать меня в Университет города Гамбурга и рассказать не только о ракообразных Арала, но и об идее строительства плотины в проливе Берга. Этот визит состоялся, и я пригласил Дитмара сделать ответный визит в Ленинград уже этим летом и далее выехать с нами на Арал на средства, полученные мною от Академии наук СССР по конкурсу проектов молодых учёных.

Летом 1990 года состоялась и первая большая Международная Конференция по Аралу. Её мы пытались провести в г. Москве, но эту конференцию постоянно отменяли.

Тогда московский писатель Григорий Иванович Резниченко вместе с эмигрантом из СССР в США Юрием Брегелем договорились провести её в Университете г. Блумингтон в штате Индиана. Конференция прошла очень хорошо, однако меня просили рассказать только о снижении числа водных животных в Арале и совсем не касаться идеи строительства плотины в проливе Берга. Американские организаторы мне тогда прямо сказали, что эта плотина не нравится участникам данной конференции из Узбекской ССР, и что мне не надо своим докладом провоцировать жаркие споры. Конечно, я был очень огорчён, но Григорий Иванович Резниченко попросил меня не идти против воли американских устроителей этой конференции.

В этом же году была проведена и наша самая большая экспедиция под флагом Зоологического института АН СССР.

Кроме 7 сотрудников нашей Лаборатории в экспедицию я пригласил двух водолазных специалистов из Ленинградского Института мостов и опор: Валерия Семеновича Кагана и Сергея Васильевича Апраксина. Этим двум сторонним исследователям я сразу рассказал об идее нашей плотины, и они обещали измерить своими приборами физические параметры в протоке, образовавшейся в проливе Берга, а также обеспечивать водолазные спуски, управлять маломерными судами и экспедиционным автомобилем. Кроме этого, на станцию Аральское море наш экспедиционный груз и оборудование ехали в специальном вагоне этого Института, а экспедиционный транспорт на дополнительной платформе из этого Института. Был приглашен в экспедицию и коллега из Москвы зоолог др. Николай Михайлович Коровчинский. Кроме ученого из Москвы был приглашен ещё один русский ученый Эдуард Герасимович Добрынин из Института Биологии Внутренних вод АН СССР, в поселке Борок Ярославской Области.

Из иностранцев были: наши двое коллег из США проф. д-р Филип Миклин и проф. д-р Томас Диц и один коллега из Испании Мигель Алонзо и коллега из Германии д-р Дитмар Кайзер.

Эта экспедиция началась и шла очень хорошо, но из-за случая заболевания бубонной чумой в Аральске и объявленного карантина, на протоку в проливе Берга мы не попали, и исследования пришлось перенести на следующий год.

Из-за чумы и карантина нам всем пришлось нанять самолёт АН-2 и перелететь с северного берега Арала на южный берег. Там мы присоединились к рабочей группе ЮНЕП, которая проводила очередной полевой выезд и готовила первый вариант Диагностического документа. Встретив своих коллег из ЮНЕП, я стал снова просить их дать мне возможность написать в этот документ главу о возможности построить плотину в проливе Берга, но мне предложили написать только небольшое приложение к главе о возможных сценариях спасения Арала.

Проф. д-р Татуо Кира после моих многочисленных писем и факсов к нему стал постепенно более благосклонно относиться к идее строительства плотины. Он, побывав в полевых выездах на Арал, понял всю глубину проблемы и просил своего коллегу проф. д-ра Сабуро Матсуи пригласить меня приехать в Центральный офис ИЛЕС для начала

проработки идеи её строительства. Осенью после экспедиции на Арал такой визит в Японию состоялся, и с этих пор моя научная жизнь неразрывно связана с ИЛЕС.

После моей краткой работы в Японии идею плотины, кроме проф. д-ра Татуо Кира и проф. д-ра Сабуро Матсуи стали поддерживать ещё проф. д-р Микиясу Накаяма и проф. д-р Масахиса Накамура.

Уходил в историю 1990 год с очень хорошим финансированием от АН СССР. В этом году я мог не только покрывать расходы на экспедицию, но даже мог делать небольшие выплаты денежного довольствия всем участникам, включая иностранцев. Учитывая финансовое благополучие 1990 года, на 1991 год был намечен большой план экспедиционных работ.

1991 год

Однако, начало 1991 года было оглушительным и прошло в хлопотах по добыче денег для нашей молодой Лаборатории.

В январе наш научный коллектив был официально предупреждён Президиумом АН СССР, что обещанные по проекту деньги не придут, и что надо рассчитывать только на себя.

Нам нужны были новое оборудование и новые экспедиции, а АН СССР уже начала разрушаться вместе с СССР. Выход подсказал проф. д-р. Лев Александрович Кузнецов, который тогда был Народным депутатом СССР.

Он пригласил меня выступить на Всемирной Конференции по солёным озёрам в Боливии. Это выступление состоялось весной 1991 года, и я вновь говорил о целесообразности строительства плотины в проливе Берга.

Идею этой плотины поддержали многие участники этой конференции в Южной Америке.

Особо хочу отметить поддержку ученого из Израиля проф. д-ра Ари Ниссембаума и учёного из Канады проф. д-ра Теодора Хаммера.

Эти два очень известных учёных стали активно мне помогать продвигать идею необходимости строительства плотины в проливе Берга. На этой конференции было много участников из Испании или говорящих на испанском языке. Эти эмоциональные люди обсуждали не только наши научные данные, но и наши экспедиционные фотографии, и они пообещали прислать нам контакты с телевизионщиками из Испании.

Неожиданно поддержал идею плотины и тогдашний посол Советского Союза в Боливии Тахир Бяшимович Дурдыев.

Во время конференции надо было голосовать за сохранение СССР, и я пошёл вместе с Львом Александровичем Кузнецовым в наше посольство СССР в столице Боливии Ла-Пасе голосовать. Проголосовав, посол пригласил нас на ужин, и мы познакомились ближе. Этот наш посол был ранее в молодости Первым секретарь ЦК ЛКСМ Туркменистана и по этой причине болел за Арал всей душой. Так неожиданно у меня появился ещё один сторонник плотины в проливе Берга из Высших Советских Дипломатических Кругов.

Когда мы вернулись из Боливии в СССР, грянула Павловская реформа, и все деньги, включая личные сбережения, обесценились.

Как покупать научное оборудование и дополнительные компьютеры, и как ехать в экспедицию я не знал, и Президиум АН СССР не знал тоже.

Однако после конференции Глава испанских телевизионщиков из Барселоны г-н Алекс Молина прислал факс в нашу Лабораторию, в котором, ссылаясь на прошедшую в Боливии конференцию, предложил сделать фильм об Арале. За это он обещал взять часть

расходов по экспедиции на Арал на себя и закупить ряд научных приборов или купить один персональный компьютер.

Летом 1991 года эта экспедиция на Арал с телевизионщиками состоялась, но на протоке в проливе Берга поработать нам опять не удалось – в прошлом году помешала чума, а в этом году местное КГБ.

Всё время мы работали только на острове Барсакельмес и только один раз смогли немного полетать на АН-2 в районе аула Бугунь да отобрать несколько проб на Малом Арале около этого аула.

Как выяснилось позже (уже осенью 1991 года), приставленный к нашей экспедиции "специалист по тракторам" Сейсен Султанович Маужанов был на самом деле капитаном местного КГБ. После возвращения из экспедиции с Арала три испанских телевизионщика выдали нашей Лаборатории компьютер, и так в нашем научном коллективе стало на одну персоналку больше.

Кроме трёх испанцев из испанского ТВ, с нами на Барсаке во второй раз работал на Арале проф. д-р Дитмар Кайзер из Германии и молодой учёный из Англии Иан Бумер. Как и в прошлом году, все водолазные работы и управление моторными лодками взяли на себя Валерий Семёнович Каган и Сергей Васильевич Апраксин.

После экспедиции на Арал я отправился в Австралию к проф. д-ру Уильяму Уильямсу, а также и на Конференцию по Ракушковым ракообразным. Это была очень нужная поездка, так как этот континент изобилует солёными озерами. Мой коллега проф. д-р У. Уильямс смог мне наглядно показать практически все способы сохранения и рационального использования солёных озёр. Было необычно видеть как без вмешательства каких-либо Центральных Австралийских Властей местные фермеры сами "управляли" уровнем и солёностью окружающих солёных озёр. Именно тогда от проф. д-ра У. Уильямса я услышал о менеджменте солёных озёр, и что Университет г. Аделаиды проводит специальные практические занятия для австралийских фермеров на эту тему. При этом Билл мне показал целую карманную библиотеку тонких книжечек в мягком переплёте, прочитав которые фермер мог сам начать управлять окружающими его озёрами. Среди этих книжечек было и краткое руководство как самому строить и ремонтировать плотины на солёных озёрах. Проф. д-р Уильям Уильямс даже показал мне надпись у него над рабочим столом "Испарение с поверхности соленого озера можно уменьшить только строительством плотины, которая отрежет лишнюю площадь его испаряющей поверхности". Вот так всё легко и просто было в Австралии.

Как только я вернулся в Ленинград из Австралии, в СССР произошёл так называемый путч, и всё стало ещё хуже.

Сразу после этих событий денег у нас опять не было совсем, однако мы без иностранцев и без водолазов в самом начале осени во второй раз в этом году поехали на Арал.

Первый, кто пришёл в г. Аральске провожать нас в экспедицию в сентябре 1991 года, был "специалист по тракторам" Сейсен Султанович Маужанов. Он сам сказал мне, что был на самом деле капитаном местного КГБ, и при этом он искренне добавил, что он и к нам и к нашим всем иностранцам относится хорошо, и что мы делаем нужное дело, и что нас на этот раз пустят собирать пробы в протоку на месте пролива Берга.

К сожалению, этим разрешением от местного бывшего КГБ (теперь эта служба здесь стала называться КНБ – Казахская Национальная Безопасность) мы смогли воспользоваться только через полгода – в мае 1992 г., так как без моторных лодок, гидрологических вертушек и другого специализированного оборудования ехать на протоку в сентябре-октябре 1991 года не было никакого смысла.

В начале зимы развалился СССР. Когда это произошло, мой коллега доцент Дмитрий Олегович Елисеев и я были в Пакистане на конференции по солёным озёрам.

Мой коллега докладывал о птицах на Арале, а я, как всегда, об обитателях вод Арала, ну и конечно о необходимости построить плотину в проливе Берга. Как только в Карачи стало известно, что Михаил Сергеевич подписал указ о ликвидации СССР, к нам в гостиницу пришли местные полицейские и хотели меня и коллегу Елисеева арестовать, так как наши визы граждан СССР оказались в новой геополитической ситуации невалидными. Но встретив наш решительный протест, полицейские просто нас сфотографировали в фас и в профиль (причём за наш счёт). Полицейские в ультимативной форме потребовали от нас оплатить эти издержки и дружески посоветовали скорей ехать домой в Россию. На следующее утро мы узнали из местных газет, что Пакистан был первой страной в мире, которая признала Новую Россию – Главный Осколок СССР. В местной газетной статье так и было написано Россия – Главный Осколок СССР признан Исламабадом. По этой причине мы оба улетали из международного аэропорта Карачи без визовых проблем.

1992 год

После развала СССР Академия Наук СССР повалилась тоже. Денег нет, ясности нет, а в экспедицию ехать надо, и приборы и расходные материалы закупать надо.

Всеми правдами и неправдами собрали деньги. Больше всех дала моя дорогая жена Валентина Вячеславовна. Она копила для нашей семьи на мебель, а цены на мебель после павловских реформ взлетели до небес, и теперь, как сказала жена, – "пусть наши деньги хоть науке послужат".

Уже в мае мы выехали всей Лабораторией с Валерием Семёновичем Каганом и Сергеем Васильевичем Апраксиным на Арал.

Сразу поехали на протоку в проливе Берга, и после ряда трудностей на мелководьях нас прямо на большой лодке "Казанка-2" затащило в эту протоку. Так как найти протоку было очень трудно, то Игорь Светозарович Плотников и Давыд Давыдович Пирюлин поднялись на обрыв Восточного берега бывшего острова Кок-Арал и пытались наводить нашу моторную лодку на протоку. Их помощь нам на лодке оказалась почти нулевой, так как чинк был недостаточно высок, а качество радиосвязи между нами было плохим – то ли батарейки были старые, то ли сами рации были полуисправными.

Между тем, как я уже сказал, после преодоления всех мелководий нас буквально затащило в эту бурную протоку, и мы смогли собрать все биологические и гидрологические пробы и выполнить все необходимые измерения.

Когда вечером мы вернулись в наш полевой лагерь, разбитый на одном из рукавов Сырдарьи, то мы бегло прикинули полученные цифры и поняли, что дело очень плохо. Очень много воды стекает на юг, и бегущая вода каждую минуту углубляет и расширяет эту протоку. Очевидно, что протока скоро соединится с рукавом Сырдарьи, и через пару месяцев река Сырдарья будет впадать не в Малый Арал, а уже в большой Арал.

Не вызывает сомнения, что после такого перераспределения Сырдарьинского стока Малый Арал быстро высохнет целиком.

Анализ собранных в протоке данных продолжился и на следующий день, и вырисовывавшаяся картина на самое ближайшее будущее становилась всё мрачнее и мрачнее. В один из вечеров на общем собрании экспедиции было решено, что мне и Валерию Семёновичу Кагану надо ехать в Аральск с докладом к местным властям.

Нужно срочно предать наши наблюдения и расчеты широкой гласности. Однако у нас был острый дефицит бензина, и каждая поездка была на счёту.

Между тем, все наши участники экспедиции единодушно решили, что надо срочно ехать.

29 мая 1992 года В.С. Каган и я приехали в г. Аральск, и нас принял Первый Аким Аральска Бигали Каюпов.

Первым ему докладывал я о палеолимнологических и о биологических данных, а потом слово держал Валерий Семёнович Каган.

Назначенный Президентом Н.А. Назарбаевым этот аким слушал нас двоих очень внимательно доброжелательно и сразу попросил все данные оставить ему. Он также просил меня очень подробно продиктовать секретарю раздел о негативных последствиях бездействия и, конечно, раздел о тех преимуществах, которые проявятся, если плотина будет построена.

Мы оба сделали всё, как просил Бигали, и после этого вернулись в наш экспедиционный лагерь для продолжения нашей полевой работы.

Ровно через неделю поздно вечером в Пятницу 5 июня в наше лагерь приехал милицейский УАЗ от Акима, и его водитель привёз письмо от Бигали. Передавая письмо, он очень добродушно шутил и говорил, что в Пятницу надо молиться, а не на машине ездить.

В этом письме Б. Каюпов просил меня и Кагана приехать с нашими данными в Аральск для дальнейшего следования в Кызыл-Орду для доклада Сеильбеку Шаухамановичу Шаухаманову. Всю ночь с 5 на 6 июня Валерий Семёнович Каган и Игорь Светозарович Плотников помогали мне готовить иллюстрации для доклада. На батиметрической карте Арала Игорь Светозарович, после недолгих раздумий, по каким-то только ему ведомым причинам начертил плотину не по прямой, а в виде разогнутой латинской буквы V.

Когда я спросил его, почему он это сделал именно так, то он ответил, что существующие глубины предопределяют, что плотину нужно строить именно так. "Да, она будет длиннее, чем плотина проложенная по прямой, но она будет прочнее за счёт рельефа дна" – ответил Игорь Светозарович.

Рано утром 6 июня мы выехали в Аральск, и со всеми своими данными, рисунками и графиками уже к полудню были у акима в кабинете.

Весь день мы втроём Каюпов, Каган и я работали над привезёнными материалами. Много перепечатывалось или переписывалось, или перерисовывалось, и только плотина, нарисованная Игорем Светозаровичем по линейке простым карандашом, осталась неизменной.

К воскресенью 7 июня всё было готово, и поздно вечером Каюпов и его помощник, а также Каган и я в двух купе мягкого вагона поехали к Сеильбеку. За всё платил Бигали, и мы с Валерием Семёновичем наслаждались комфортом.

Доклад в Кызыл-Орде прошёл хорошо. Опять сначала говорил я о палеолимнологии и о биологии, а потом Каган о гидрологии.

Все материалы Сеильбек у нас после доклада взял и сказал, что мы можем быть свободны. Бигали тоже сказал, что ему надо будет ещё помочь готовить документы Сеильбеку, и остался в Кызыл-Орде.

В Аральск Каган и я возвращались одни. Не задерживаясь в Аральске, мы вернулись в наш полевой лагерь.

Когда в самом конце июня наша экспедиция завершилась, то в Аральске Каюпов нас встретил радостной новостью о том, что в Алматы, с учётом наших материалов, решили строить Первую Экспериментальную Земляную Плотину в проливе Берга. Кроме этого он сказал мне, что один капитан второго ранга советовал ему меня арестовать за вредительство, но что он этот донос порвал и будет теперь нам всячески помогать строить эту плотину.

Перед самым отъездом 1 июля Бигали собрал актив акимата, и я делал развернутый доклад о будущей плотине.

На активе присутствовал полковник В.П. Синевич, которому идея плотины тоже понравилась и который мне приватно сказал: "Эта протока – наша военная протока. Капитан второго ранга, что написал на тебя донос Каюпову, год или два назад углубил землечерпалкой фарватер в проливе Берга. Теперь этот пролив обмелел, и края искусственной "канавы", сделанной нашей черпалкой, вышли на поверхность, и наш канал выглядит как естественная протока. Да, канал мощным потоком воды размывается и углубляется и становится все шире и глубже. Надо нам военным этому положить конец. Мы его тогда расковыряли, мы его теперь и засыплем. Я буду тебе звонить в Ленинград и рассказывать, как идут дела. На капитана второго ранга за донос не обижайся, у него дети малые, и он очень хочет быть капитаном первого ранга. Обещаю, что канал засыплем уже этим летом, обязательно".

Каюпов и Синевич или их подчинённые часто звонили по телефону ко мне в Ленинград и на работу, и домой и всё подробно рассказывали. Я пересказывал содержание этих звонков коллегам из нашей Лаборатории, и мы все вместе радовались новым успехам в строительстве плотины.

Однако были и грустные новости, первую плотину построили уже в конце июля 1992 года, но её сразу смыло.

Вторую плотину строили уже в августе, и именно она устояла. Как рассказывали и Каюпов и Синевич, а также многие другие жители Аральска, удача пришла только во второй раз, так как плотину строили всем миром. В июле плотину строили только военные и ряд технических служб из г. Аральска, а вот в августе навалились всем миром. Были даже многочисленные молодые люди с тачками, мешками и лопатами. Они везли на своих тачках и на телегах снопы тростника и мешки с глиной и с камнями или просто старый мусор и металлический лом в рваных мешках из-под картошки.

Только общие усилия увенчались успехом, и в августе плотина уже стояла. И к северу от неё были воды Малого Северного Арала, а к югу от плотины была безводная пустыня Арал-Кум – бывшее дно Большого Южного Арала.

Уже 17 августа 1992 г. я впервые смог доложить о строительстве плотины в проливе Берга международному научному сообществу в Финляндии. Научный доклад, который я подготовил, вернувшись из экспедиции на Арал (совместно с ещё двумя коллегами из нашей Лаборатории), был встречен очень тепло и его сразу предложили опубликовать. Кроме меня в Финляндии был ещё мой коллега с Арала из Узбекистана проф. д-р Рустам Разаков. Никогда не забуду, как он больше всех радовался успехам казахов на Малом Арале.

Рустам Разаков – замечательный пример умного соседа, который радуется успехам своих казахских братьев. Побольше бы нам таких соседей как Рустам.

Уже 22 августа я и тогдашний зам. директора нашего Зоологического института академик А.Ф. Алимов вместе вылетели в Барселону на 25-й Лимнологический конгресс.

Там же в Барселоне в августе состоялась и первая премьера фильма, снятого в нашей Экспедиции испанскими телевизионщиками в 1991 году.

30 августа я вылетел из Барселоны в Женеву для участия в итоговом заседании рабочей группы ЮНЕП по подготовке диагностического документа по Аралу.

1 сентября 1992 года я делал доклад во Дворце Наций ООН. Из-за этого я не смог первый раз в первый класс повести в школу моего сына. Почему-то моя жена часто это вспоминает и говорит мне, что я люблю Арал больше, чем сына, ... но она ошибается.

В Женеве я встретил проф. д-ра Уильяма Уильямса, проф. д-р Филипа Миклина, проф. д-ра Дитмара Кайзера, проф. д-ра Гильберта Уайта и многих других научных коллег, что поддерживали меня с идеей строительства плотины в проливе Берга.

Также 1 сентября в Женеве я впервые познакомился с Узакбаем Карамановым. Мы сразу стали тесно сотрудничать, и он стал мне очень хорошо помогать в деле сохранения нашей уже построенной Первой Земляной Экспериментальной плотины.

Когда в первый день календарной осени 1992 года мы в Женеве обсуждали прошлое и будущее Арала, то уже тогда всем стало ясно, что первая плотина уже начала спасать Малое Северное Аральское море. Что с осени этого года жители этой части Арала будут наблюдать, как уровень его вновь повышается, а берег не уходит, а начинает идти вспять, и что когда-то Малый Северный Арал будет во всей своей прежней красе.

Из Женевы я поехал опять на Арал, и, благодаря Узакбаю, уже 9 сентября я смог посетить эту плотину с представителями Всемирного Банка Майком Ратнамом, Сунитой Ганди и др. официальными лицами из ООН.

Октябрь-декабрь 1992 года прошел в написании многих статей и в чтении многих докладов, так как все мы и я в том числе четко представляли себе, что уже первый весенний паводок 1993 года обязательно размочит нашу Экспериментальную Земляную Плотину, и что надо срочно думать, как добыть новые научные данные, чтобы, опираясь на них, получить деньги Всемирного Банка для строительства настоящей и долговременной плотины с регулируемым водопропускным сооружением.

Первая Плотина была построена в августе 1992 года совсем без водопропускника, и все знали, что её ждёт обязательный прорыв весной 1993 года, и вместе с моими коллегами по Лаборатории готовился к очень трудному 1993 году.

Кроме этих трёх казахов были и другие очень славные люди, что оказывали содействие строительству первой земляной экспериментальной плотины: Какимбек Салыков, Мухтар Шаханов, Умирзак Махмутович Султангазин, Владимир Сергеевич Школьник, Серикбек Жусупбекович Даукеев, Айтбай Кушербаев, Алашпай Баймурзаев и ряд других, но об этом позже.